

Ольга УЛЬЯНОВА

ХОСТЕЛ В «МИРАЖАХ»

Хостел в лофте «Миражи» был моей первой работой в Петербурге. Я откликнулась на вакансию администратора и пришла на собеседование: длинная узкая юбка, вязаные сандалии, стильная стрижка. Управляющая хостелом по имени Люба с интересом меня оглядела и взяла на работу. А месяца через три, уже глубокой осенью, уволила за то, что я долго собирала грязное белье в прачечную. На меня наступала новенькая администраторша Юля, чокнутая куколка на шпильках. Ей очень хотелось выслужиться перед Любой, а лучшего способа, чем заложить коллегу, разумеется, нет. Увольняла Люба меня со словами: «Ты теряешь интерес к работе, как только проходит эффект новизны. Тебе будет сложно по жизни».

Мне было двадцать три, шел 2011 год. Я только закончила челябинский журфак и приехала в Петербург учиться на арт-критика. Критик из меня был сносный, но вот с «арт» дела обстояли не очень. Все, что я знала об искусстве, было прочитано в альбомах «Ташен» за прилавком одного челябинского книжного, куда я устроилась продавцом, чтобы скопить на поездку в Петербург. И с этими скромными знаниями я поступила на бюджет, но без работы было не прожить, и я нашла ее в «Миражах».

Лофт «Миражи» занимал корпус бывшего хлебозавода в центре города. На пяти этажах располагалось несколько выставочных залов, коворкинг, хостел, кафе «Прозрачная комната» с террасой на крыше, маленький книжный магазин. «Миражи» были первым в городе лофтом: промышленное помещение перестроили, изменив его назначение и сохранив при этом индустриальный дух места; не дикий сквот¹ и не скучный офис, а настоящий объект *редевелопмента*. Такого слова я тогда не знала, но смутное ощущение подсказывало: собралась в арт-критики — иди в «Миражи». Для начала и администратором хостела подойдет.

Хотя увольнение мое было неожиданным, трех месяцев работы хватило, чтобы заметить: в «Миражах» все было не тем, чем казалось. Некогда промышленные помещения, с белеными потолками, просторные и светлые, были уставлены кадками с фикусами, пальмами и разной

¹ Сквот — нелегально заселенное помещение или здание.

зеленую; в кафе и холле хостела стояла причудливая винтажная мебель; по этажам из кафе разносился запах котлет и пюре. В целом все это одновременно напоминало сестрорецкий санаторий, выборгскую библиотеку, амстердамскую барахолку и хиппи-коммуны в Копенгагене. Но обстановка просвещенного социализма-анархизма совершенно не вязалась с личностями руководителей «Миражей» и выбранной ими манерой управления. «Миражи» представляли собой превосходный продукт капиталистической системы, секрет живучести которого состоял в соблюдении жесткой социальной иерархии.

Уровень 1. Руководители

В начале 2010-х в «Миражах» было три основных направления работы: выставки, хостел и кафе «Прозрачная комната». Кто управлял кафе, я не припомню. Хостелом занималась Люба — стервозного вида тридцатилетняя длинноногая блондинка с ботоксными губами и на спортивной «ауди». У нее была коллекция фирменной одежды, и каждый день она приходила в чем-то новом. Когда-то — в это было трудно поверить — Люба сама работала администратором хостела, поэтому с некоторым сочувствием относилась к своим подчиненным, в том числе ко мне — до поры до времени. Я испытывала к Любе смесь презрения и страха в пропорции 3 : 1 с легким шлейфом благодарности, который к третьему месяцу стал совсем невесомым. Скрывать свои чувства я умела плохо. Однажды Люба попросила меня сходить в аптеку и купить ей обезболивающее. В ответ я нахамила: мол, много работы. К моему удивлению, она не рассердилась, более того, мне показалось, что я ранила ее. Как будто она доверяла мне больше, чем я того заслуживала.

За выставки отвечала Мила, крепкая брюнетка около сорока. Она одевалась проще Любы, обычно в обтягивающие джинсы и лонгслив, говорила отрывисто, имела мощный бюст и каменное лицо. У нее был свой штат девушек, но нас, администраторов хостела, она тоже привлекала в качестве смотрительниц на выставках. Мила ничего не знала об искусстве, блюла порядок и вела коммерческие проекты.

Основатель «Миражей» Демьян был высокий мужчина за сорок с пепельно-русыми волосами до плеч, которые эффектно развевались, когда он шел через холл хостела. Он носил темные широкие штаны типа шароваров, кроссовки и светлую свободного кроя рубашку. Ходили слухи, что Демьян — последователь саентологии; что его основной бизнес — сеть хостелов для гастарбайтеров и их трудовая эксплуатация; что у него квартира на Невском у Аничкова моста и что он охотник до прикольной канцелярии. Последнему я нашла подтверждение: холл хостела какое-то время был завален коробками фирменных цветных ручек, карандашей и блокнотиков. Демьян был темной лошадкой.

Ни у одного из руководителей на тот момент не было ни семьи, ни намека на личную жизнь. Было это следствием выбранной рабочей

стратегии или стартовым условием успешного бизнеса «в сфере креативных индустрий» — не знаю, но души их словно выскребли ложкой для мороженого.

Уровень 2. Креаторы

Руководители «Миражей» строили работу, исходя из системы стратификации: наверху они, а внизу мы: подчиненные, готовые выполнять их поручения за честь быть частью команды, и посетители, днями напролет стаптывающие ступеньки лофта с первого до пятого этажа, чтобы причаститься бренду. Еще ниже нас — уборщицы и повара из Узбекистана.

Но не руководители делали место культовым. Этим занимались архитекторы, дизайнеры, кураторы — приглашенные креаторы, почитаемые и незыблемые. Они так же, как и мы, ходили под руководителями, но обладали несравнимо большей свободой. Одни работали на аутсорсе и появлялись только на открытиях своих выставок или чтобы забрать гонорар. Другие, как архитекторы брата Авдиенко, были резидентами «Миражей».

Савва и Илья Авдиенко перепроектировали пространство хлебозавода под лофт. Савва носил мешковатые брюки сложного кроя и узкие белые рубашки навыпуск, в его облике была какая-то прыгучесть и беспечность. Илья носил брюки и черный пиджак, имел мрачный вид неженки-меланхолика. У братьев была мастерская в «Миражах», они часто спускались в кафе и заходили в холл хостела посидеть между пальмами. Это была инвестиция в творческую энергию места, сделанная Демьяном: пригласить архитекторов обживать пространство и своим присутствием «освещать» его, притягивая новые возможности и искупая преступления капитала.

Уровень 3. Администраторы

Администраторы — нас было пять девчонок — работали посменно, в дневную и ночную. Днем нужно было заселить новых постояльцев, навести порядок на кухне, выгрести из холодильника забытые йогурты и колбасу, почистить и заправить кофемашину, выдать завтраки. Рабочее место администратора — руководители настаивали на слове «ресепшн» — было за большим монитором серебристого «Мака» посреди просторного холла. Мы отвечали на электронные письма и звонки желающих забронировать комнату; до сих пор помню пиликанье этого телефона. Ночью беготня заканчивалась и можно было заняться бумажками: откопировать паспорта, оформить временные регистрации иностранцам, посчитать выручку, а потом вздремнуть на красном кожаном диване или посидеть в утренних сумерках у окна с чашкой горячего кофе. С рассветом приходило время собирать грязное белье в прачечную, а затем спускаться на проходную принимать свежее. К десяти приходила сменщица, и цикл начинался снова.

Взъерошенная девушка в очках, вязаных сандалиях и длинной юбке уверенно шагает по коридору. Обеими руками она прижимает к груди стопку выглаженных комплектов постельного белья, трубку беспроводного телефона и связку ключей, а за ней следом, как утята за уткой, семят новые постояльцы. Это я веду заселять гостей в комнату.

...Но в самом деле: я ли это? Вообще, я не очень подходила на роль радушной мамы-утки. Было во мне что-то колючее и мизантропское. Пожалуй, я побаивалась людей и не очень понимала, что им нужно.

Талантом гостеприимной хозяйюшки была наделена моя коллега Леся. Ее работой была довольна Люба, ее заботу получали постояльцы, бодростью и советом она делилась с новичками вроде меня, добрым словом — с уборщицей-узбечкой. Леся как будто лучше других знала, что нужно всем этим людям, каждому из них. У нее были темные, почти черные прямые блестящие волосы, карие глаза, светлая кожа, мягкие пальцы. Она была худенькой, не пользовалась косметикой. Ее лицо могло бы принадлежать упрямой вздорной девочке из сказки. Леся могла говорить эмоционально, сверкая глазами, подняв брови и вытянув подбородок и потрясая вскинутой рукой как бы в доказательство своих слов. Могла говорить тихо и доверительно, подойдя близко-близко и глядя в глаза, так что можно было рассмотреть ее обветренные губы и усталый лоб, любила шепнуть на ухо, касаясь ладонью твоего плеча.

Если Леся вкладывала в работу всю свою страсть и потому преуспевала, то вторая моя коллега, Нина, демонстрировала иной способ справляться с рабочими обязанностями — не проявлять чувств. С длинными пшеничными дредами, крепким округлым телом, сухими теплыми ладонями, она была как скала: всегда находилась в покое, даже во время движения, неспешного и величественного. На ее лице двигались только тонкие губы и поблескивали глаза; иногда в улыбке округлялись щеки, в удивлении поднимались брови, но и только. Нина была растафарианкой²: бывала в Эфиопии, кое-что знала о тамошнем православном каноне и культуре и почитала Хайле Селассие. В свободные от работы вечера Нина диджеила в баре «Белочка»: ставила реггей³, а я ходила к ней танцевать. Несколько раз я заходила в ее жилище, адову коммуналку-сквот, где квартировали молодые фрики. Пока в грязной кухне неизвестные курили косячки, в своей узкой желтой комнате Нина, растянувшись на матрасе, погружалась в режим гибернации.

Однажды в «Миражах» появился новый техник. После трех перекуров Нина закрутила с ним роман, и я поняла, что хотя она и была как скала, внутри нее шла бурная сейсмическая активность, какую мои датчики не были способны уловить.

² *Растафарианство* — религиозное движение, возникшее на Ямайке как культ последнего императора Эфиопии Хайле Селассие (до коронации — рас Тафари Маконнен), считавшегося воплощением Бога. В основе движения — любовь к ближнему и отказ от «западного» образа жизни.

³ *Реггей, регги* — музыкальный стиль, самыми известными представителями которого были растафарианцы.

Уровень 4. Техники

Новый техник Митя был старше Нины и имел густую, с баками, шоколадного цвета бороду и большие грустные карие глаза. Пол-лица в мохнатой бороде, пол-лица в грусти и тоске. Он выглядел так, будто недавно бросил жену с тремя детьми, потому что решил жить по-другому, но как именно, еще не понял и оттого чувствовал себя несчастным. Кажется, Митя устроился техником вынужденно и временно и на самом деле занимается чем-то совсем другим.

Было еще два техника, блондин Леша и брюнет Егор. Леша был как из кино: на бугристых мускулах трепещет исстиранная футболочка, черное трико обтягивает орехи ягодиц, он несет на плече пиленый брус или орудует шуруповертом — или стоит без дела и ждет поручений. Ни разу не слышала от него ни слова.

Егор, с выбритыми висками и хвостиком на макушке, напротив, был щуплый, любил поболтать и свинтить с работы.

Техники занимались монтажом выставок, что-то чинили, собирали и разбирали — в общем, были на подхвате по хозяйству. От парней шла приятная энергия пофигизма: им было наплевать на интриги, отношения, предчувствия, в которые были погружены мы, администраторы. Техники были самыми независимыми, поскольку не имели рабочего места, бегали с этажа на этаж и выполняли конкретные поручения. Их работу не мог сделать никто другой, а отсутствие их умелых рук делало беспомощными самих руководителей.

Уровень 5. Постояльцы

Братья Авдиенко, Демьян и Люба ездили в Европу перенимать зарубежный опыт. Идею делать столы из гигантских катушек, например, они привезли из Амстердама. Интерьер холла хостела напоминал шоурум евробарахолки: массивный деревянный стол, плексигласовые стулья, металлические медицинские шкафы, каталожные ящики из библиотеки, ушастые кресла в стиле рококо, причудливые люстры.

И по этой амстердамской барахолке на третьем этаже бывшего хлебозавода посреди Петербурга бродили люди в пижамах и шлепанцах, с мокрыми волосами и тюрбанами на головах. Они заплывали в холл, чтобы заварить кофе и получить на завтрак положенное «Ягодное лукошко». Мы хранили пирожные в шкафу, похожем на сейф, и каждый раз делали вид, что отпираем замок, чтобы постояльцы не думали, что завтрак можно брать свободно; на самом деле дверцы никогда не запирались. «Лукошки» мы получали в утренних сумерках на проходной в больших плоских картонках, и святым делом было распаковать и съесть парочку с кофе, пока никто не проснулся.

В хостел заезжали разные люди, но в целом похожие: среднего достатка, нетребовательные, но уверенные, что мы ждали именно их. Семьи с ребенком: одуловатые родители и долговязый сын-подросток, который скоро против воли узнает все о прогулках по рекам и каналам.

Пары с рюкзаками. Одинокие странники. Загорелые подружки. Отряды иностранных студентов.

Но были и постоянные жильцы, которые жили в хостеле по полугодую и дольше, как на съемной квартире, точнее на койке: их селили только в многоместные комнаты. Размещение им обходилось дешевле: вместо 900 они платили 500 или 300 рублей в сутки. Постоянные жильцы отличались от остальных постояльцев. Я хорошо помню двоих.

Ларисе было за сорок. Высокая, жилистая, темноволосая, с глазами навывкате и идеальной осанкой. По слухам, она была содержанкой. Если Ларисе удавалось закадрить мужчину, то она пропадала на время, а потом появлялась снова: брошенная, но не сломленная. Она носила светлый домашний костюм, который усиливал ее бледность и худобу. Когда у Ларисы совсем не было денег, она катала и ела шарики из муки и воды. Ее килограммовый пакетик «Предпортовой» всегда стоял на кухонной полке.

Другой постоянный жилец был Гульман, толстый еврей с рюкзаком, в черном спортивном костюме и «кроксах» в любую погоду. Лицо его заросло черной бородой, на голове вились кудри. Он был молод, но из-за лишнего веса, растительности на лице и капюшона было очень трудно понять возраст. Откуда приезжал и куда исчезал, тоже было загадкой. В очередной раз заявившись в хостел после долгого отсутствия, Гульман обычно появлялся в амплу мелкого воришки. Шаркая ляжкой о ляжку и бегая глазками, будто не знает, куда попал, он заходил в холл. В хостеле ему были не рады, особенно Люба: хитрил с оплатой. Гульман обиженно сопел, визгливо срывался, потом платил и убирался. Я старалась сгладить углы и говорила с ним доброжелательно. Восприняв это как знак внимания, он вскоре выступил в амплу соблазнителя.

В шесть утра за пыльным окошком уборной просыпается Лиговский проспект. В уборной стою я, слушаю его нарастающий шум и сортирую грязное белье. Гульман подходит к умывальнику и начинает со мной мурлыкать сквозь усы. Меня это веселит: у Гульмана есть чувство юмора. Его рыхлое белое тело нежно колышется, пока он моет руки, я вижу его глаза цвета морской волны, его сливочные ладошки трут одна другую. С сумкой белья пытаюсь протиснуться у него за спиной, а он смешно пыхтит, сяясь меня поймать. Я не боюсь его, потому что он не кажется мне мужчиной.

Гульман кое-что знал о литературе, бывал уморительно смешным, хотя в целом был трусоватым и мелочным параноиком, почти лишенным достоинства. Но не таков ли герой Вуди Аллена?

Несмотря на непоколебимую иерархию, руководителей, администраторов и постоянных жильцов «Миражей» кое-что объединяло. Они были беспросветно одиноки. Руководители — ради бизнеса, администраторы — по молодости, постоянные жильцы — просто запутались. Такой была и я: только приехала из другого города, ни друзей, ни родственников. Возможность попасть в любое сообщество

тогда сулила утешение. В «Миражах» я любила часы уединения: после заката, когда я закрывала кассу выставочного зала, и перед рассветом, когда привозили «Лукошки». Небо в те часы было лазорево-синим, и под ним одиночество казалось не таким щемящим. После моего увольнения «Миражи» еще долго казались родными и было даже больно там появляться; потом место стало заурядным и выпало из моего поля зрения.

Лет десять спустя, гуляя по Пестеля, я встретила Любу. Она была на сносях, не узнала меня и прошла мимо, сверкнув глазами. Леся ушла еще до меня и завела семью. Нина поступила в магистратуру, окончила ее с отличием и стала работать с детьми. У техника Егора трое детей и мебельное производство. «Миражами» продолжают заниматься Демьян и Мила. Гульман писал мне довольно прилипчивые письма, и из одного моего на них ответа родился этот текст. Судьба Ларисы мне неизвестна.

